

Владимир Бреднев

КРИК-ПУЛЯ НА МЕХЕЛЕНСКОГО РЯБЧИКА

рассказы весёлые и не очень

Владимир Бреднев

**Крик-пуля на мехеленского
рябчика. Рассказы
весёлые и не очень**

«Издательские решения»

Бреднев В.

Крик-пуля на мехеленского рябчика. Рассказы весёлые и не очень /
В. Бреднев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-901273-9

Как вас встретит дух лесов и полей, если вы по злему умыслу начнёте губить природу? Что поют волки, когда люди попадают к ним в плен? Сколько может стоить мудрость? Как законно объегорить всех претендентов на наследство в сорок миллионов долларов? Вкусен ли в каше мормыш, если перед этим выпить по сто граммов? Как не убить брата, считая, что в твоём родном сыне течёт его кровь? И как спасти местного йога, завязавшего себя узлом?

ISBN 978-5-44-901273-9

© Бреднев В.
© Издательские решения

Содержание

Крик-пуля на мехелеского рябчика	6
Тальяныч, карпы, интернет	12
Вторая молодость	16
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Крик-пуля на мехеленского рябчика Рассказы весёлые и не очень

Владимир Бреднев

© Владимир Бреднев, 2017

ISBN 978-5-4490-1273-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Крик-пуля на мехелеского рябчика

Кожевников и Серёга Пахомов были друзьями с детства. Вместе учились в школе, потом в политехническом институте, потом пошли работать на закрытое предприятие. Кожевников не был красавцем, но его до безумия любили бабы. В жёны ему досталась женщина властная и подозрительная, которую слегка подурить стало чуть ли не азартной игрой у Кожевникова.

Пахомов женился, остепенился и показался замечательным семьянином и домоседом. Неизвестно как, но через несколько лет выяснилось, что Кожевников и Пахомов дружат домами. Из-за этого бегать по мнимым командировкам Кожевникову стало опасно и неудобно. Он просто не умел изящно врать, так как его технический ум старался просчитать все нюансы, а это было трудно и, по большому счёту, лениво. Нужно было срочно искать настоящее увлечение, за которым бы мелкие грешки и любовные интрижки имели реальную основу.

И однажды Кожевников такое занятие нашёл.

Охота! Два раза в году по причине открытия весенней и осенней охоты он мог рассчитывать на неделю абсолютно свободной жизни где-нибудь в затуманенной деревеньке на берегу озера с полной уверенностью, что его строгая супруга никогда там не появится. Она, будучи в пятом поколении интеллигентной жительницей крупного города, даже представить себе не могла, как это можно упиваться запахами деревни, мыться из ведёрного таза в бане с веником без шампуня, пены и скраба, а потом выползть из парной голым и полуживым под комаров и мух., или в ледящий душу мороз. Орать во всё горло, что холодно, и тут же падать в сугроб, широко раскинув руки. Это было не для неё.

Почти точно также Кожевников не мог представить себе, что за день блуждания по деревне не сможет зацепить какой-нибудь заводной бабёнки, с которой он способен провести с десятков беззаботно весёлых дней.

И он объявил о тяжёлом творческом кризисе, скрасить который может только охота. Все великие люди успешно лечились этим древним занятием. Увлечение стало в копеечку, но супруга, тщательно проанализировав ситуацию и пообщавшись с кем-то из знакомых ей женщин, чей муж, действительно был охотником до мозга костей, прикинула и доходы. Медвежатина, косулятина, лосятина в ресторанах города принимались по приличным ценам, а мех, если таковой будет, мог бы пойти на манто и шубу. В худшем случае, если мяса и мехов не будет, мужик от бзика в башке не запьёт. Сторонний опыт показывал, что такие, как Кожевников, бормотуху пить не будут. Начнут гнуть пальцы веером и жрать виски. Поэтому благоверная перетерпела некоторые траты и незначительные перестановки в квартире.

Первый выезд на охоту обошёлся без дичи. Но супруга ещё не знала, что после охоты из стволов оружия должно вонять горелым порохом, а ружейная смазка не должна покрывать все металлические части классической вертикалки ИЖ-27. В результате Кожевников и жена договорились, что у новоиспечённого охотника мало опыта, и дичь смогла обежать его стороной.

Но вскоре Кожевникову за интересную военную разработку, в которой он был ведущим инженером, дали премию. Он на премию купил путёвки в санаторий «Урал» на двоих. После возвращения, супруга уверовала, что охота снимает все кризисы.

Второй выезд окончился также безуспешно. Ни зайчик, ни глухарь на Кожевникова не выскочили, что он и сообщил с удручённым видом супруге. Но та кивнула и пошла к чехлу, в котором хранилось ружьё. С некоторым трудом, но Кожевникову удалось убедить благоверную, что он уже не мальчишка, он не намерен стрелять по банкам и воронам. Не подвернулось стоящей дичи, вот и не выстрелил. Хорошо, что в прошлый раз руки так и не дошли смазать оружие, а старая смазка от некоторых манипуляций здорово стёрлась.

Третье возвращение с пустым ягдташем, но вонючими стволами, возбудило интерес жены ещё больше, чем предыдущие два. Это привело к мысли, что дичь нужно где-то брать.

Следующий приезд с охоты напоминал муниципальное праздничное мероприятие. В проёме кухонной двери стоит, уткнув одну руку в бок, жена. Ослепительная, активная, красивая и желанная. Но думающая совсем о другом, сузившая от неприятных подозрений глаза до узких щёлок. И как бы в пику ей, уже проинструментированной всезнающими подругами, в дом вваливается радостный, светящийся изнутри, Кожевников с охотничьими манатками и большим крапивным мешком. В мешке двадцать толстых упитанных серых уток.

– Морозильную камеру надо покупать, – говорит Кожевников жене, – Так дело пойдёт, хоть в общепит сдавай.

К пущей радости, муж сам взялся обрабатывать дичь, а потом ещё и готовить. Утка с яблоками – вкуснятина необыкновенная.

Кожевникову даже в голову прийти не могло, что его супруга в порыве лёгкого восторга похвастается уткой в яблоках и будет тут же приглашена на загородное богатое подворье родителей Серёжи Пахомова.

Кожевников упирался, как мог. Но фраза:

– Милый, уж не обманываешь ли ты меня? – была тем козырем, который бить нечем.

Кожевников даже обиделся. К Пахомовым, так к Пахомовым. Виновник поездки на дачу решил, что удивит все пахомовское семейство французской фаршированной уткой. В канун отъезда он пять часов был на кухне, надышался запахами, выпил остатки портвейна и решил позвонить Серёге.

– Ну, братан, моя хотела меня спалить. Только хренушки. Я такую утяху заварганил, на удивление. Думаю, батя у тебя будет рад

– Ещё как, – отозвался Сергей, – Он у меня по молодости, ого-го. Ещё тот шатун был!

И Серёга рассказал, что отец у Пахомова лет до сорока пяти был заядлым охотником, даже на кабана под Нязепетровском ходил. Нынче охота ещё не закрыта, и он, старый чудак, с радостью ходит с Андреем на зорьку на ближайšie болота.

То есть, Кожевникову надо демонстрировать приёмы охоты на уток. В первую очередь, в самой простой ситуации, хотя бы точно надо знать, каким номером и в кого стрелять. А опыта только на то и хватает, чтобы сунуть два патрона в казённик, вскинуть ружьё вверх и выпалить в белый свет, как в копеечку.

Но «Милый, не обманываешь ли ты меня?» – грозит такими неприятностями, от которых в уютной и обустроенной, с легким душком адюльтера, жизни Кожевников давно отвык. Делать нечего.

На пикник собирались основательно. Жена – костюмы. Муж – оружие и припасы, ножи, патроны, ягдташ, маскхалат «кикимора», болотные и обычные сапоги, бинокль, туристические спички, топорик, струну-ножовку, – то есть всё, только бы Серёгин старый папа не догадался, где и на кого лучше всех умеет охотиться Кожевников.

Дети засунули коробки с красками и мольберты. Уток впрок взяли из морозильной камеры.

По дороге Кожевников был молчалив. Он вырабатывал план, как сделать так, чтобы завтра утром на охоту не попасть, вечером не пойти, а утром на половине дороги от сослуживцев получить срочный вызов на завод. Решил не отказывать Серёгиному папе в его чрезмерном гостеприимстве.

Василий Васильевич Пахомов, здоровый розовощёкий дед, на самом деле был гостеприимным и хлебосольным хозяином. Он вышел встречать гостей, и когда дети и жена разгружали джип, заметил снаряжение. Благодарности не было предела.

Кожевников сразу отметил в глазах Пахомова-старшего какой-то нездоровый блеск в глазах и перепугался ещё больше. Спасли женщины. Закружили, заворковали. Супруга отреко-

мендовала Кожевникова как искусного повара и замечательного охотника. Серёга больше толкался в женском коллективе, Пахомов-старший держался Андрея.

– Слушай, Андрей, завтра-то с утра не пойдём, – вдруг сказал Василий Васильевич, чем очень удивил охотника.

– Как это? – Кожевников прекратил шпиговать утку и почти возмущённо уставился на знатока охоты.

– Тут дело какое? Сегодня мы посидим, твоих деликатесов отпробуем, моих чуть отпьем, в баню сходим, пельменями побалуемся, настоек отведаем. Они у меня не чета импортному пойлу, по рецептам Голенищева-Кутузова, Смирнова, Пантелея Григорьева и других знатоков сделаны. А чтобы прелесть понять, надо краткий перерыв делать. Так, что завтра не будем кайф ломать, с утра отдохнём.

Кожевников пожал плечами и нехотя согласился. Когда поставили уток в печь, Андрей выскочил на крыльцо, достал мобильник и чуть не обомлел: приема нет. Сто километров от города, а связь в ноль. Походил, успокоился, уговорил себя не паниковать. Первый раунд за ним. К вечеру завтра ещё попробуемся, а там, дождь пойдёт. И просто схитрю, погорю, что на охоту не сходили. Все будут довольны.

Часам к четырём сели за столы. Супруга у Василия Васильевича от щедрот своего хозяйства такие столы накрыла, с третьей не захмелеешь. Тут и огурчики, помидорчики, яйца фаршированные, яйца всмятку, грибочки под шубой, судак в маринаде и в середине стола утки по-французски и с яблоками.

Пропустили по первой, по второй. Напряжение немного спало. Женщины о своём уже без тормозов, мужчины более сдержано, но о своём. Андрей Василия Васильевича расспрашивает, как готовит, на чём выстаивает, сколько выдерживает? Сходили между делом винный погреб оценили. В погребе распробовали домашний Пахомовский кальвадос, выгнанный первой струей из грушевого сока и выстаивающийся в дубовых бочонках.

Вещь сильная.

Потом пошли на откос, на детей посмотрели. Те на реку ушли, на пленэре зарисовки делают. Благодать!

Вернулись, вмазали ещё по стопочке, утку потрошить начали.

И тут, прожевав очередную порцию мяса, Сергей, как знаток говорит:

– Какая же всё-таки вы, – и называет жену Андрея по имени-отчеству, – кропотливая женщина. Я вот у тех-то едал стреляную утку, так чуть все зубы о бекасиновую дробь не сломал. Утка свинцом как перцем нашпигована. А в вашей утке мне ни одной дробины не попало.

Жена жевать перестала. Говорившую подругу рукой остановила. И пристально, до мурашек на коже, до одинокой холодной капельки вдоль позвоночника, посмотрела на Кожевникова.

Такая нехорошая тишина над столом повисла. Андрюха сидит и ждёт, что вот сейчас этот старый пень, заядлый охотник, воскликнет: «А как же вы это так умудряетесь утку бить, что в ней бекасинки нет?»

Рубаха от выступившего холодного пота на спине к телу прилипла.

И тут до Андрея доходит, дед ничего не скажет. Жизнь мгновенно возвращается в умерший мозг, Кожевников спохватывается и весело переспрашивает:

– Это вы ко мне что ли? Так сейчас никто уже бекасиной дробью птицу не бьёт. Запрещено! У неё разлёт большой. Убивать не убивает, а почти всю стаю калечит. Егеря лечить замаялись. Постановление вышло крик-пулей бить.

– Чем? – Сергей выказывает дикое удивление, как папуас при виде зеркала.

Батя у него нормальный, умный мужик, а сынок дурак дураком.

– Крик-пулей, – спокойно говорит Андрей. – Я с собой десятка два патронов взял. На крик реагируют. Крякнет селезень, она – шлёп, и башку отшибла.

– Да не поверю, – орёт Серёга.

И заткнуть его, выпившего, нечем. Да и поздно. От жены, как от перегретой кастрюли, уже краска отскакивать начала. Наверное, жил какой-то червячок сомнений, и вот, вырос до удава. Понимает Кожевников, если сейчас не сделает того, что ни в какие ворота не лезет, дома ему кранты. Она с напором пойдёт, он не выдержит, разлаются, а в запале, запросто можно болтнуть лишнее. Из Андрея в эти минуты все настойки выдохлись. И он пошёл ва-банк.

– Василий Васильевич, есть безопасное место, где выстрелить можно?

– На птичьем дворе. Там у меня со всех сторон шлакоблочные сараи.

– Пошли.

Встают втроём и выходят во двор. Женщины, вроде бы испугались, к чему такие дотошные подробности, а жена у Андрея непоколебимая. Ей хочется знать правду.

Андрей достал из чехла ружьё и один патрон с пулей. Порылся в бардачке, нашел детскую коробку с люминесцентными красками, мазнул по пуле красной, синей и зелёной. Серёга с изумлением наблюдает. Дед Пахомов с не меньшим любопытством смотрит, но слова не говорит.

– Спецраствор. У селезня обычно расцветка такая, – без тени улыбки и подвоха, говорит Андрей.

И ведёт себя очень естественно. Собранный и сосредоточенный.

Пришли на птичий двор. Затворили все двери, чтобы никто под выстрел не попал. В большую банку положили простенький телефон с будильником. Поставили банку на чурку в двадцати шагах от Андрея. Всем ясно, даже новичок в такую цель должен попасть. Тем более, что пуля на звук реагирует. Замерли, ждут. Андрей у плеча ружьё держит, остальные от банки взгляда не оторвут. Сработал будильник, кукарекнул неестественно и замолчал. Из-за пенька выдрался настоящий петух и заорал во всё горло, перекрыв своим криком глухое треньканье телефона в банке. Андрей в это время выстрелил. Петуху башку как бритвой срезало.

– Ни хрена себе, – изумлённый до глубины души и обескураженный фактом, произнёс Серёга.

Кожевников, разломил ружьё и, глядя на дымящуюся ещё гильзу, тихо, но весомо произнёс:

– Доработаем, цены не будет.

Петуха продемонстрировали всем. За разрешившийся спор и новые технологии выпили не по разу.

Казалось бы, всем треволнениям конец. Но с рюмочкой в руке поднялась супруга Василия Васильевича и говорит:

– У меня Вася раньше без всяких новых технологий дичи настреливал, половину деревни кормил. А потом забросил. Сейчас смотрю, глаза у него вспыхнули, как у молодого. Столько азарта, столько страсти. А я, дурой была, противилась. Думала, до бабам бегаем. Прости меня, Вася, дуру. Давайте, идите завтра с Андреем на охоту. А мы к вашему возвращению пирогов напечём. Правда, девочки?

Девочки согласились. А вот Василий Васильевич погрузился как-то. Остаток вечера он уже не расхваливал своих наливочек, сидел молчаливый, о чём-то думал.

Утром его дома не оказалось. Появился только в обед. Кожевников хотел деда развести на рюмочку, другую, и тот согласился. А жена Пахомова-старшего хватить и снесла штоф со стола.

– Если выпьете, на охоту не пойдёте. Я лучше вас правила безопасности знаю.

Мужчины заикнулись, мол, чёрт с ней, с охотой, но опомнились, переглянулись и замолчали. Сели на лавку и стали ждать вечера. Сергей расспрашивал Василия Васильевича, где он в советские времена работал? Оказалось, Пахомов заведовал промторгом в районе. Но был честным человеком и с почётом ушёл на пенсию при развале.

Часа два собирались и рядились. Потом Василий Васильевич сбежал на птичий двор за объёмным заплечным мешком. И, сопровождаемые всеми домашними, – Серёгу не отпустили на болота из-за радикулита – Андрей и Василий Васильевич отправились за дичью. Кожевников шёл впереди, закинув ружьё за спину. За ним шагал Пахомов, опираясь на красивый, вырезанный из сука, батог. Кожевников не мог решить, как сказать заядлому охотнику, что он про утиную охоту понятия не имеет, но спросил другое:

– Василий Васильевич, а вы почему охоту вдруг забросили?

– Понял, что могу Люсю свою потерять. А я, ведь, её любил. Ты свою Светлану любишь?

– Люблю, – согласился Кожевников.

– Ну, тогда по бабам завязывай на охоту ездить.

Кожевников остановился, как вкопанный. Кое-как, ноги будто онемели, обернулся к Пахомову.

– Да не делай ты такие глаза, – отмахнулся дед и сел на пень, – У тебя крик-пули, у меня кабан-альбинос.

– В смысле?

– Ты уток где взял? Только честно.

– На ферме купил, – почему-то сознался Кожевников.

– Вот и мы с дружкой, после такой охоты присмотрели у одной тётки кабанчика пёстрого и купили. Разделили пополам и, довольные, по домам. Жёны в восторге, прибыль к столу. Но сосед, мать его за ногу, спросил, чо у кабана-то шкура белая? Правда, и я не растерялся, выдал, что кабан альбинос. Больной, мать его за ногу, поэтому и отстрел разрешили. Моя мясо в охалку и к жене друга. Вот, гляди, каким-то альбиносом нас кормить решили. Не иначе с Карачая этого кабана привезли. А друг тоже... – Василий Васильевич, махнул рукой, – Жмодяра ещё тот. Задавился из-за двух четвертных. Нет, – говорит, – бабы, не с Карачая он. Кабанчик справный, в Ключах у старушки купленный. Дальше, больше. Кое-как я это дело замаял. А потом сильно задумался. И бросил всё к едрене фене.

Андрей присел рядом. Спросил неуклюже, по-детски:

– Завязывать, что ли?

– У тебя же дети. Каково им будет, когда узнают, что ты их предал? Завязывай.

– Ну а сегодня как с охотой быть? – Андрей вопросительно посмотрел на старшего Пахомова.

Тот привстал с пенёка, крикнул в сторону:

– Мужики, не поможете?

Двое охотников задержались на тропе, что-то высматривая, а один оглянулся и подошёл. Василий Васильевич выложил тушку толстой рябой курицы к пеньку и объяснил охотнику, что хочет, чтобы в курице была дробь. Охотник заулыбался, но отошёл метров на двадцать, зарядил ружьё и выстрелил. Дробовой заряд поднял жухлую листву перед мёртвой птицей. Василий Васильевич неосторожно заметил, не все ли такие стрелки будут?

В это время отставшие охотники подошли к полянке. Услышали язвительную иронию в словах старика. Потом увидели, что их товарищ не попал в лежащую у пенёка курицу. Опозорился! А им в курицу не попасть – себя не уважать. Молча сняли с плеч оружие и с подхода влупили из четырёх стволов. Поржали, что курица на четыреста граммов стала тяжелее, и пошли дальше.

– Ну вот, – сказал довольный Василий Васильевич, – этих двух куропаток ты крик-пулей взял, – и показал на две безголовых тушки, – а эту я бекасинкой приложил. Убыли в бюджете на девять штук.

– Какой убыли? – поинтересовался Андрей.

– Обычной, – ответил Пахомов-старший, – Это мехеленские куры. По три штуки за голову у соседа купленные. Уток у нас никто не держит. А эти, – он кивнул на пестрых

птиц, лежащих рядом у пня, – на ожоженных рябчиков похожи, – и в глазах деда заплясали озорные чёртики.

Тальяныч, карпы, интернет

Петровича в этом году зима сломала. Кое-как очухался. Жил у дочери. Но вначале лета вернулся в родную квартиру, которую не продал, наладил быт и потихоньку втянулся в рыболовные страсти. Говорит, помогло.

Моё дело десятое, я с работой всё равно ничего не успеваю, поэтому даже сооружение новых снастей лежит на Петровиче. Я эксплуатируюсь ранним воскресным утром в качестве водителя, по принципу – куда прикажут – а в качестве поощрения мне выдают прикорм и насадку. Мирюсь.

Начало июля. Стоит душная погода. Парюсь на работе. И вдруг звонок. Петрович. Пропускаем про здоровье, дела, жену.

– Времечка свободного не найдешь? Я тут с товарищем одним на птичке сошёлся. Серьезный мужик.

– Куда поедем? – спрашиваю я.

Нет, не зло спрашиваю, а с таким непередаваемым трепетом. Уже всё внутри напряглось, уже сладостью утреннего тумана повеяло, уже первый жаворонок надо мной запел.

– На Тишки.

– Да там лягушки умерли. Как надо изодраться, чтобы заставить тамошнего карпа подумать о насадке. Да и платное.

– А Тальяныч, это знакомый мой новый, сказал, что пуд, не меньше, за зорьку.

– Трепач твой Тальяныч, – ответил я и дал отбой.

Тальяныч – это Сережа Барсуков, вернее, Сергей Тальянович. Мужчина сорока пяти лет, рыбак со стажем, ярый противник взимания платы за любительскую рыбалку, зимой в знак протеста с ледобуром, ящиком и палаткой ходивший на площадь и сидевший в протесте. Новый знакомый Петровича.

Петровича, как и его нового знакомого, заносит. Но зачем я так не по-божески? Петрович просто поскорее хотел уговорить.

Хорошо, что суббота выдалась с утра свободной. Пообещав всей родне обязательно заехать на рынок, купить продуктов питания, потом вынести мусор и даже съездить на дачу, я помчался к Петровичу.

В гараже шли приготовления. Василий Петрович что-то буркнул на приветствие, продолжая мешать в кастрюле, стоящей на газовом примусе, кашу. Пахло горошницей. Дед не на шутку собирался ловить карпа. Через десяток минут непрерывной моей трескотни и бестолковых вопросов, Петрович сдался:

– Сегодня поедем, на автобусе. Тальяныч уже собирается.

Большого труда мне стоило испросить прощения у друга-рыболова и твердо пообещать, что в половине четвёртого утра мы уже заберём Тальяныча и будем нестись в сторону Тишков.

В половине пятого, проскочив Большое Баландино и поругавшись на Красноармейских дорожников, мы оставили машину в Дубровке. У собачника, как пояснил Тальяныч, хотя из ворот дома никто не выходил и даже в окно не выглядывал.

– За час доберёмся, – разглагольствовал новый знакомый Петровича, когда я вешал на себя свой рюкзак с лодкой, и поверх забрасывал рюкзак деда.

Моего веселья хватило только до околицы. Дальше я был похож на верблюда, который прошёл сто дней по Сахаре. Язык на плечо, пот градом. А Тальяныч на зависть мне, легко шествуя впереди и размахивая руками, рассказывал, как он в одной тихой заводи, за болотом, ловил вот таких (разводите руки в стороны) карпов. Прошли базу и углубились в лесок. Под ногами стала чавкать вода.

– Вот поэтому и не поехали, застрять можно. Да и эти на машину быстрее выйдут, а так, попробуй нас в камышах рассмотри! Камыш нынче, скажу, не в пример прошлому году. Нынче дождей-то вон сколько было.

Я подумал, а какая камышу-то разница: сухой или мокрый год. Он всё равно в воде растёт.

– В сухой год камыш пониже и пожиже, – отозвался Тальяныч, вплетя в голос нотки знатока флоры, – Сам увидишь.

Зеленая масса вымахала над озером, как джунгли Амазонки, и в ней, как в засаде, засели огромные комары, сразу раскусившие, что отмахиваться от них я не могу – руки заняты.

Когда мы допёрли до заветного места, мне хотелось лечь и уснуть. Но не в пример мне притомившийся Петрович стал качать свой дредноут, делить прикормку и насадки, раскладывать сухпаёк по торбочкам, чтобы не сниматься с якоря даже на обед.

Только подо мной качнулась лодка, и весла тихонько тронули воду, усталость прошла.

– Тальяныч, а ведь рыбачить без путёвок – браконьерство! – подтрунил я над Сергеем, глаза которого тут же метнули в меня молнии.

Он очень серьезно ответил:

– Я это право на баррикадах выбил. Пусть только сунутся, Путину напишу. У меня прямое сообщение.

С этими словами он выгреб в прогал и скрылся в камышах. Петрович тихонько уплыл в сторону, весь обременённый заботами, как понесёт пойманную рыбу.

Я встал у небольшого плавучего островка, завязался за камыш, совершил ритуал кормления и устался на неподвижные поплавки. Новая леска, похожая на тонкий тросик акселератора от мопеда, покоится на воде и не хочет тонуть. О неё постоянно запинаятся какие-то букарашки. Тишина.

Подозрительно дёргаются камыши. Это признак того, что рыба где-то рядом. Я шевелюсь в лодке. И там, где топорщатся антенны поплавков, поднимается чёрное пятно мути. Я замираю. Рыба была уже тут, она была готова клонуть, а я завожился, испугал, не дал подойти. Какое-то время сижу, не шевелюсь, но банка у лодки деревянная, ноги как-то скрючились так, что их начинает покалывать, нужно сменить позу. Шевельнулся. Камыши задрожали. Карпы толпой шарахнулись в сторону. Это я так предполагаю. Но почему-то ни один не попробовал вкусную насадку.

Я зову Петровича. В ответ по воде прилетает тихое шипение.

– Да не ори ты! И так рыба всего боится.

На что Тальяныч откуда-то из дебрей громогласно заявляет, что нечего тут сторожиться, просто время ещё не пришло, оно буквально на подходе, и вот тогда только держись.

Мы просидели ещё сколько-то. Я полагаю, не меньше полутора часов, но время так и не подходило. Карп отказывался брать насадку. Даже мелочь, шлёпающая и чавкающая по камышам, не зарилась.

Тем временем, с Кунашакского берега донеслись первые рычащие звуки далёкой грозы. Я, если честно, побаиваюсь грозу и никогда не остаюсь на воде.

– Дождь будет, а грозы нет. Она уйдет в сторону, – заверил Тальяныч.

От безделья захотелось есть. Я полез в туесок. Петрович всё перепутал. Бутерброды с ветчиной и сыром были в его сумке, а варёные яйца, творог и батон в моей. Я сообщил об этом Василию Петровичу, но в ответ услышал:

– Да и чёрт с ним, ешь. Только сюда не суйся. Меня карп обложил, вот-вот прикорм сожрёт и брать станет.

Вокруг меня тоже трепыхались камыши, тоже хотелось верить, что карп и меня обложил.

Я нехотя съел белок от яйца, запил это крепким кофе, а из творога, желтка и кусочка батона накатал катыш, поднял удочку и насадил этот шедевр кулинарного искусства на крючок.

Пришлось доставать плащ, потому что с неба посыпалась морось. Гроза, действительно, прошла стороной, а кусок тучи припёрся к озеру. Я не видел, как нырнул поплавок и не сразу понял, что удилище готово выпасть из лодки не по моей вине. Каждый рыбак знает, какое чувство охватывает человека, долго ждущего поклёвки и обнаруживающего, что крючок проглотила не какая-то мелочь, а солидная рыбина.

Отпускать катушку было некуда. Лесом стоял камыш. Но и повернуть её не удавалось. У ближайшей стенки из-под воды поднимались пузыри, чёрная муть, и серые кусочки погнившей растительности. Зажав в коленях поставленное вертикально удилище, я трясущимися руками разбирал подсак. Дурная привычка – до первой поклёвки снасть не трогать.

Каждому знакомы эти секунды: зажимы не отвинчиваются, телескопическая ручка не выдвигается, сетка цепляется за всё, за что можно зацепиться. А тот, кто сидит на крючке, методично тянет удилище и всё ближе и ближе подбирается к камышу. Там его спасение, там он уйдет точно. Оставляю сак, пытаюсь повернуть катушку. Она поддается. Леска выбирается из воды, показывается поплавок.

Стоит ли считать эти минуты? Всё заканчивается благополучно: леска выдерживает, сак расправляется, а чёрный карп сдаётся и вваливается в сачок сам. В лодку я втаскиваю его двумя руками. Не могу сразу отцепить крючок, руки трясутся.

Рыбина посажена в матерчатый садок за борт лодки. Весу примерно около пяти килограммов. Перевожу дыхание, успокаиваюсь. Мну желток, творог и батон, чтобы насадить на крючок.

Дождик продолжает моросить, уходит духота. То тут, то там в камышах слышатся солидные шлепки.

Слышно, как чертыхается Петрович.

А я на новую насадку выволакиваю следующего красавца.

И вновь жду поклёвки. Замечаю, как шевелится поплавок второй удочки, на которой насажена кукуруза. Он медленно, нехотя уходит под воду. И больше не показывается на свет божий. Следует мощнейший рывок, удилище вершинкой хлещет по воде, и я слышу звон оторвавшейся под душкой лесоукладывателя мононити. Пока готовлю снаряжение, приходится ещё раз сразиться с небольшим карпиком.

Рыбалка мне нравится. Не обманул Тальяныч. И сам, поди, уж наворотил.

Дождь и карповая вакханалия продолжались до обеда. А потом всё стихло.

Я позвал Петровича. И мы с ним выплыли на берег. В березовом лесу пахло грибами. Петрович вытащил садок и, улыбаясь, показал мне. В садке тяжело переваливались два карпёнка, килограмма по полтора каждый. Я сощурился и приподнял свой садок, который от земли не отрывался.

Тут появился Тальяныч.

– Кто браконьеры, так это вы, – весело проговорил он, – Природу беречь надо.

Он достал из кармана фотоаппарат, протянул мне, а сам, раскрыв мой садок, взял двух карпов побольше.

На фоне лодок, удочек и леса мы сделали несколько снимков, на которых Тальяныч держал карпов за жабры, за брюхо, присел над внушительным уловом, в общем, выглядел самым удачливым и счастливейшим рыбаком.

Мне пришлось сходить в деревню, забрать машину, преодолеть некоторое расстояние по полям и буеракам, чтобы благополучно загрузиться и следовать домой.

Уже в машине Тальяныч мечтательно проговорил:

– Ничего, придёт время, и я таких натаскаю.

Петрович посерьёзней:

– Ты же говорил, что тут таких монстров выволакивал?

– Ну. Я и завтра скажу. Тебе вот кто поверит? Никто. А у меня на фотике час, день и год прописаны.

– Ты вообще что-нибудь поймал?

– А то нет, кот доволен будет. А так ведь и не брало ни черта. Я на вас даже удивляюсь, как так получилось, что вы рыбы надрали. Мужики говорят, что клюёт тут плохо.

– Но ты же сам...

– А я что, наврал, что ли? Главное, Петрович, не рыба. Главное, процесс. Не позови я вас, так бы и парились в городе.

На следующий день на рыболовном форуме народ наперебой приглашал друг друга на рыбалку на Тишки. В качестве доказательства висели фотографии Тальяныча в обнимку с моими карпами. За попытку возразить и образумить, меня с презрением сначала окрестили Фомой, а потом и вообще забанили.

Вторая молодость

За Владимиром Алексеевичем всякое водилось. Выпить любил. За юбками волочился – не без греха. Подрасться – да нате вам! Пожалуйста! Только подходи: кому в глаз, кому по сапатке? Главное, чтобы без закидонов, по-честному, на кулаках.

Работать! Так и это с огоньком, с задором, раз-два, взяли! Эх-ма! Сама пойдёт! Печи класть, плотничать, тяжести перетаскивать, камень колоть, сено косить – дайте только ворот у рубахи расстегнуть, чтобы в подмышках не жала. В доме с какой утварью справиться – на всё тям хватало, по соседям не бегал, у чужих совета не спрашивал, своим умом доходил. Вот так вот!

Плюнул в заскорузлую, чешуйчатую, как полотно рашпиля, ладонь, сжал в кулак так, что костяшки побелели. Вот она, жизнь-то где была! Была! Да разом вся проскочила. И теперь каждый день дорог. Да так дорог, что на сон у Владимира Алексеевича часа по четыре назначено, в остальное время он на ногах, с легким передыхом после обеда. А как иначе? Своей жизнью не надыхался, а тебе уже на шею другие разные повесили.

Последыш никудышный уродился. Бабу взял, Катьку заделали, а он по глупости и пьяни на нары. Сноха туды-сюды, и вон съехала. Внучку забрала. Не переживание, скажете? Как она там? Сыта ли? Обута? Одета? Не забижают? Сам-то, куда не шло, то в работе, то за стопочкой перешивания заглушать научился. А на жену смотреть, душа кровью обливается. Мать она олуху – извелась. Хоть сынок и урод, а дитя-то родное. Из сердца не вырвешь.

– Ничего, мать, не горюй. – Говорит Владимир Алексеевич своей супруге Зое Петровне, когда трезв и в здравом уме, – Сдюжим! И Катьку на ноги подыдем, ещё и выучим, нечто хуже людей? Ты только, мать, гляди, меня держись. А я... Эх-ма!

В такие времена Зоя Петровна расцветает вся. И забывает на время, что приняла за жизнь длинную, суровую, не всегда гладкую, от мужа своего, что выдюжила, когда срывало Владимира Алексеевича с катушек да несло, словно безудержный весенний поток по перекатам, валяло, мызгало, крутило так, что взвивался мужик нехристом, да куролесил без удержу. Расцветать, расцветает, но виду не подаёт. Насупит бровь и скажет в ответ:

– Вот ты держись человеком. А будешь, как свин, водку жрать да по деревне мотаться, кто знает. Подвернётся стоящий мужчина, который головой разумный, лицом не гаведный, фигурой строен, так подпаду под чары. Ты тогда свой локоть кусай да себя спрашивай, как так мог женщину на борматуху променять? А меня ты знаешь, я с молоду така была: в душе не таила, а что говорю, то и думаю.

Но Бог миловал. Пронесило всякого и баского, и стройного мимо двора Владимира Алексеевича. Только ведь, и не ждёшь никогда, как что явится.

Межсезонье подвело Владимира Алексеевича. В огороде он в несколько дней управился с большими работами, зачастил на рыбалку. А там, известно, нашлись друзья. Сначала по пивку ударили, потом за водочкой сбегали. А потом Владимир Алексеевич во времени потерялся.

Вынырнул намедни. А что да как, не сообразит. Кое-как до сознания дошло – горе у Зои Петровны приключилась. Пеструха заболела. Во всей деревне, посчитай, корова одна осталась, но какая. Удой, что у рекордсменки, а молоко жирное, будто городские сливки. И на тебе, не ест, не пьёт уж который день. Зоя Петровна сама по началу корову пользовала, травяными отварами поила, огуречным рассолом, даже стакан водки Пеструхе не пожалела, чтобы у той «книжка» заработала, только без толку. Квёлая Пеструха, и точка.

– Это ты, срань господня, с пьяных шар корове что-то сунул.

Владимир Алексеевич оправдаться не мог, потому что не помнил, ухаживал он за скотиной эти дни или нет. Голова гудела и раскалывалась на четыре части. Алкогольный цепень

грыз печень и просил лёгкой опохмелки. Хозяин, прикинув в уме на медицину, собрался к старому ветеринарному врачу, рассчитывая убить двух зайцев: поправиться самому, потому что у любого врача, даже коровьего, должен быть спирт, и заодно показать Пеструху. Только Зоя Петровна хозяина к ветеринару не пустила.

Пошла сама. И не к старому, а к новому. Ветеринар в селе новенький объявился. Худосочный, длинный, бледный и узколицый, хотя уже в годах далеко за пятьдесят – без всякого доверия человек. Любой собаке должно быть понятно, быть ветеринаром, и до такой худобы дожить, того и гляди в форточку вынесет – дело нечистое.

Но ничего не попишешь, на доброго человека супруга наплевала, а этого позвала, объявив по возвращении, что в учхозе теперь другого нет.

Ветеринар явился. В кепочке. Из-под кепочки только нос вороний выглядывает. А между носом глазки посажены. И всё они у ветеринара из края в край носятся – не держатся на месте. Сходил он в хлев, посмотрел на Пеструху с порога, шмыгнул носом, да и назад. Сел за стол, ждет чего-то.

Владимир Алексеевич дело себе сам организовал, из леса воротился, пару ведер грибов принёс. Гриб нынче шёл хороший, товарный. Воротился и промеж дела поглядел на ветеринара.

Не молодой уже, возраста чуть младше Зоинога будет. По чести сказать, желтушная сыроежка, не дать, не взять. Всего и достоинства – носат. Носатые у Владимира Алексеевича все под одну гребенку шли – бабники. Их природа так отметила, чтобы не заблуждаться. Этикие с фортелем к бабе подъедут, сама пустит, а потом ещё и маяться будет, чем такому кобелю не угодила. Знавал Владимир Алексеевич таких по молодости, морды не раз бивал.

Сразу всплыло в памяти. Они с кумом мотоцикл чинили, но выпить хотелось – жуть. Только где рублик стрельнуть? Негде. И тогда говорит Владимир Алексеевич куму: «Давай махнём к Верке!» Верка тогда зазной была. И махнули. Мотоцикл по дороге развалился, звезданулись они в грязь, и припёрлись к Верке вечером. Тук-тук! Открывается дверь, а на пороге детина волосатый в синих трусах, черный, мать его за ногу, и нос орлиным клювом. «Вай, дарагой! – говорит, – Зачём пришёл?» Ой, как не понравился орлиный нос, так захотелось ощипать этого бугая. Взвился Владимир Алексеевич до безумия! Сколько не кричал ему кум: «Бежим!» – не слушал, пока не выпорхнул через подъездное окно со второго этажа. Спасибо судьбе, не дала она начальникам в тот год перед домом тротуаров положить. Лужа не мягкая была, факт, но это можно было пережить, а вот стерпеть от всяких носатых чернож... пых макания лицом в грязь, было выше всяческих сил. Кое-как кум удержал на крыльце, не пустил в подъезд, а то бы дело неизвестно чем кончилось.

С тех пор носатых Владимир Алексеевич терпеть не мог. И вот тебе на, под старость лет подкатило. Зыркнул на ветеринара, но с порога горячки пороть не стал, трезв был. Глянул на стол, моргнул Зое Петровне. Та с сомнением полезла в шифоньер, выставила водочки. Для особого случая берегла «Горилку с перцем», которую за забористость и дюжий вкус и сам Владимир Алексеевич уважал.

Ветеринар чинно выпил двести пятьдесят, потом сделал какую-то запись в книжке, выставил на стол флакончик с порошком, напялил кепочку и, прощаясь, проронил:

– Зоя Петровна, я завтра загляну. Только уж без этого, – улыбнулся так смазливо, поклонился и вышел.

Владимир Алексеевич свою рюмочку допил, огурчиком закусил, подпёр рукой голову, да и воззрился на жену свою. Статная, не клюшка согнутая. Дородная – не доска стиральная. На щеках румянец играет, в глазах такие озорные чёртики пляшут. Она как повернулась, да как вышагнула. Отёр руки о штаны Владимир Алексеевич, крикнул, поднялся со стула, сходил до дверей, крючок в ушко закинул, и назад. Взыграла душа, будто на танцы припёрся, с подходцем ухватил Зою Петровну крепкими руками, забубнил что-то. Она хихикнула. Опомнилась,

когда муж её к дверям спальни подтолкнул, сдернула с плеча сырое полотенце, да по загривку и по спине полоснула Владимира Алексеевича:

– Сдурел! Чо удумал-то?

– А чего? – но душа остыла в мгновение, с небес на грешную землю сверзлась.

И так под ложечкой засосало. Буркнул что-то, к дверям бросился, крючок с петельки сорвал, распахнул дверь, в сени выскочил, схватил свою шляпу, под руку удочка подвернулась, схватил удочку и огородом до родного пруда, на котором уж лет тридцать как карасей ловил. Там Гаврилыча встретил. Сговорились. Ударили по пивку, потом по портвешку, потом ещё по чему-то.

Открыл глаза, сквозь дырки в шифере солнечные лучики пробиваются. Что вчера было? Один сизый речной туман. Перед глазами только носатый стоит, лыбится и приговаривает: «Только уж без этого»...

Владимир Алексеевич сполз с сеновала. Рассольчику бы сейчас. Поспешил в дом. Тут краем глаза за отдернутой занавеской усёк неладное. Присел. И на полусогнутых к окну подкрался. Глядь. Язви тя в душу! Сидит за столом ветеринар, баранки с чаем лупцует, а напротив него, подперев кулачком щёку, Зоя Петровна. Да как внимательно на него смотрит, глаз не спускает. Вот это да! Это как же так?

И тот бес, что вчера уговаривал выпить по последней, как будто и с плеча не слазил. Сидит, гад, подрыгивает ножками и в ухо шепчет:

– Не соврала. Мы с тобой, а она... Вот она как... На глиста носатого такого человека... Не за грош... За корову...

И созрела у Владимира Алексеевича мысль подойти сейчас к ветеринару с тыла, да ухватить его за шкварник и как понести, чтобы лоскутки по закоулочкам... Отворил он дверь, перешагнул через порог, да голова хмельная подвела, зацепил ведро на лавке. Ведро – дзеньк! Кайф из комнаты – вжик!

Ветеринар навстречу оборачивается. Улыбочка масляная. Как бы в харю эту носатую дрызгнул, чтобы искры полетели. Уж и кулаки сжались. Но носач опередил:

– Вот и хозяин. Сейчас мы Пеструшеньке укольчик сделаем. А вы, Зоя Петровна, подумайте, что я вам сказал. Подумайте, а я намерен загляну, так и ответ скажите.

У Владимира Алексеевича кровь и так после вчерашнего кипятком побулькивала, успокоения просила, а тут такие слова.

Вошли они вместе с ветеринаром в хлев, где Пеструха стояла.

Ветеринар осмотрелся и увидел в закуте годовалого быка.

– Что ж вы, хозяйева, молчите, что скотина не одна. Пеструхе укол, а быку прививку. Опасаюсь я, вирусное у вашей Пеструхи заболевание, – погладил корову по шее.

Та аж голову вперёд вытянула, вниз склонила, от ласки растаяла. Воткнул ветеринар бурёнке иглу, та и не шелохнулась.

«Вот так, паскуда, и баб приваживает, что та дурёха разомлеет, раскобенится, а он коршуном налетит, исключёт всюё, что та и не почувствует за собой греха какого, а только удовольствием насладиться», – подумал Владимир Алексеевич, а вслух сказал, когда ветеринар к быку пошёл:

– Не лезь, зашибёт.

Сам прошёл в стойло, потрепал быка по морде, ухватил за рога и крутанул квадратную башку на сторону так, что бык хмыкнул и рухнул на пол.

– Коли, давай, эскулап, – в сторону добурчал определение эскулапу, на которое тот будто и внимания не обратил.

Когда вышли, Владимир Алексеевич, отряхнул ладони, при этом отметив, что ветеринар всё-таки попал под впечатление.

– Вот я так и с каким другим мужиком проделать могу, ежели он у меня под како-то подозрение попадёт, да к бабе моей ни за что ни про что наведываться начнёт. Не гляди, что я ростом невелик, я бывалыча, раньше, с двух ударов хряка удельывал, – Владимир Алексеевич окинул взглядом с ног до головы доктора, сдвинул на лоб фуражку и, не прощаясь, пошёл за сарай, в огород.

За огородами он и Гаврилыч уютно сидели в тени одинокого калинового куста. Не первый раз Владимир Алексеевич втолковывал бобылю Гаврилычу:

– Как так? Понимаешь, всё на второй, на третий план отхлынуло. Раньше за сына переживал. За Катьку тревожился, внучка, всё-таки. О тебе, дуралее, нет-нет да и вспомню. А сейчас... Ни о чём спокойно думать не могу. Вот как ты думаешь, смахнётся она с носатым? А! Ты как тесто, не сказать хуже. Куда тебя не брось, шлёпнешься и причмокнешь... А я... Не сносить носатому головы, еже ли что... Вот тебе говорю.

На что Гаврилыч пытался утихомирить приятеля:

– Была тебе нужда за ветеринара сопли на кулак мотать? Конечно, говорят, что сейчас не ранешнее время, на Беломор-канал не пошлют. Да только уж чего в наши годы людей смешить?

– Вот он как, – Владимир Алексеевич замахивал полстакана и начинал собираться идти домой. – Приду и прямо спрошу.

Но что-то его останавливало. Диалог и процедура повторялись.

Вечером он вновь был пьян. Он кое-как сидел на табурете в центре комнаты и орал:

– А ты скажи! Любишь или нет? Нет! Тогда – всё! Тогда кранты!

– Спать уже иди. В доме работы невпроворот, а он опять как зюзя.

– А ты скажи! И почему это: «Вот только без этого»? Он что? Кого он? Меня? И это я тебе всю жизнь, а ты мне носатым? Да? Чего надо? Что он тут? Утро было мрачным. Чтобы избежать соблазна тащиться в магазин спозаранку, Владимир Алексеевич собрал удочки и на зорьке ушёл на реку, за бор – километров за пять от дома. Голова болела с похмелья. Душа ёрхалась в груди от смутного предчувствия своего одиночества. Рыбалка не шла на ум. Оттого и поплавки на гладкой заводи самого клёвого омута не шевелились, будто вымерла вся речная рыба. Владимир Алексеевич откинулся на спину, устремив взгляд в высокое голубое небо, наполненное прозрачным золотом солнечного света. Высоко, высоко, над головой, невидимые человеческому глазу, заливались жаворонки. В стороне, в сосновых кронах, огромных, упершихся на крутояре в небесный свод, перекликались птицы.

Владимир Алексеевич вспомнил, как по молодости, рассорившись с Зоей в пух и прах, отбыл в неизвестном направлении, завербовался на стройку народного хозяйства, и через пару недель уже копал колодцы под установку опор линий электропередач. Отработав неделю без единого изъяна и став передовиком производства в разношёрстной толпе вербованных, думал Владимир Алексеевич нагребастать денег да гоголем воротиться в посёлок. С фортом подкатить к местным: вместо табаку папироски «Казбек», вместо мурцовки – «Московская» в сургучной пробочке, вместо кирзовых ботинок с онучами – хромовые сапоги с набойками. Пусть дорогая Зоя Петровна посмотрит, какое золото сама из рук выбросила.

Но день на седьмой перед обедом попала на глаза Владимиру Алексеевичу местная шалава. Вмиг она стоворилась с тщедушным мужичонкой, выскочившим из котлована, облапившим бабу за крепкий зад и толкнувшим её в сторону ближайшего леска. Бросил Владимир Алексеевич лопату в сторону, прибежал к прорабу и потребовал немедленный расчёт. Прораб посопровтивлялся, сколько мог, но потом выдал получку и новые сапоги, положенные по спискам спецодежды.

С заработанными рублями Владимир Алексеевич рванул на железнодорожную станцию. Денег на билет до родных мест не хватило. Но крылатое и влюблённое сердце готово было преодолеть все преграды.

Ссадили его в Омске, за восемьсот вёрст от родного села! И тогда пошёл он на городской базар, запродавал новенькие сапоги за тридцать рублей. Двадцать семь сторговала с него цыганка, угадавшая, что ищет он зазнобе подарок. Получил он в руки пуховую шаль для Зои Петровны, на три рубля взял хлеба, кильки в томате, портвейна семьдесят седьмого и зашагал босый домой. Только бы кралю свою ненаглядную увидеть, прижать к сердцу покрепче и быть с нею рядом столько, сколько веку отпущено. Где пешком, где на перекладных, а за неделю добрался. Когда уж до деревни добредал, пожалел о спущенных сапогах. Как бы он в них щёгольски вернулся, всем на завидки. Нынешним этого не понять, когда всё в доме есть, да в магазине того больше.

– Ах ты ити его мать, – спохватился Владимир Алексеевич, – этот сегодня, поди, опять припрётся? За ответом, как пить дать.

Он быстро собрал удочки. И бросился домой. Рубашка от пота к хребту прилипла, дышалось тяжело. Но голову слегка отпустило. Вчерашний хмель с потом вышел. К дому Владимир Алексеевич совсем оклемался. Зашёл с огорода. Партизаном пробрался между парниками, легко потянул на себя двери летней кухни. С неё было всё слышно, что в доме делалось.

Замер.

– Не скажу, Зоя Петровна, ничего не скажу, – несло из-за перегородочки.

Вместе со словами до слуха Владимира Алексеевича доносились мерные шаги. Обычно так ходит человек, мучительно ищущий какого-то быстрого и правильного решения.

– Ну, уж вы хоть намекните, чего да сколько? – слышался упавший голос родной супруги.

– Что ж я вам сейчас скажу, когда у нас всё заново начинается. Неужели вам в жизни заново ничего начинать не приходилось? – пауза.

– Отчего же? – неуверенно отвечает Зоя Петровна.

– Вот и здесь точно так. Женщина вы видная, грамотная, – пауза.

А накал каков? Прямо напирает, гад! Побыл-то в доме три раза, и уже прёт, как танк по лесопосадкам! Владимир Алексеевич обшлаг на рубахе закусил.

– Решиться нужно, сделать шаг.

Как на стол-то опёрся! Суший маршал Жуков. Сейчас рубанёт по ниточке.

– В годах уж я, – сомневается Зоя Петрова.

Ой, в годах, она. Кляча слепая. Спина болит, ноги не задираются, а туда же. Джульетта ср... я.

А хлыщ этот наступал.

– И ничего. Это даже лучше. С возрастом и опыта жизненного больше, и рассудительности, и ответственности, если хотите... Вот, разве я безответственно вам всё это предлагаю. Вы ведь и сами видели... Коровка ваша поправилась. Другой бы ходил, по старинке деньги кланчил, да ещё неизвестно, получилось бы что или нет? А у меня всё получилось. Потому что новый век. Потому что новые технологии. Новое отношение ко всему происходящему. Вы, небось, с хозяином вашим по старинке...

Зоя хотела что-то сказать, а этот вертел носатый, грач ошипанный, поперёд лезет.

– Знаю, знаю... Наблюдал. Уж чего только не делаете, а не получается. Ингредиенты устарели, они уже неспособны влиять на организм. Но наука не стоит на месте... Соглашайтесь, Зоя Петровна! Давайте, я сейчас домой быстро схожу, сумки принесу. И тогда уж...

– Может, я с мужем-то посоветуюсь? – осторожно спрашивает она.

– Ну что он вам скажет? Ни-че-го! Ровным счётом, ни-че-го! Браниться ещё начнёт. Он у вас шибко горячий. А я мигом!

Ветеринар подхватывает свой саквояж и стремглав выходит в сени. Длинноногой цаплей шествует по двору. Да скоро так. Торопясь.

Руки у Владимира Алексеевича вздрагивают. Внутри комок какой-то застрял. Что-то делать нужно. А что? Ума не приложит. Нет, не то чтобы не знает. Ухаря этого бить надо.

По полной программе. Правой в дых, с левой в глаз, правой в скулу. И ещё по одному месту, чтобы все технологии на хрен из портков выскочили. Но и Зойка хороша... Ой, хороша! Владимир Алексеевич видит на столе самовар, в котором почему-то не работает нагревательный элемент. Руки сами находят очки, водружают на нос, потом отыскивают отвертку. Болты прикипели и сейчас отворачиваются с легким скрипом. Руки делают одно, а мозг выдумывает кары, одна страшнее другой.

Когда вернулся ветеринар с баулом, Владимир Алексеевич не видел. Да и ветеринар не предполагал, что хозяин может быть дома.

Разложив астральную карту, ветеринар усадил Зою Петровну за стол, сам подвинул табурет, устроился удобнее, протянул руки над картой. Зоя Петровна оглянувшись по сторонам, протянула свои.

– Теперь мы закрываем глаза, погружаем своё астральное тело в нирвану, нас ожидает космос... – ветеринар подался немного вперёд, перегнулся через стол.

Владимиру Алексеевичу через щёлочку показалось, что вороний нос ткнулся в пухлую розовую щёку Зои.

– Ать, твою мать, – прошептал Владимир Алексеевич, накинул шнур с электронагревательным элементом на шею и пошёл в сени, чтобы застать изменников за совершаемым таинством.

Владимир Алексеевич осторожно тронул ветеринара за плечо. Но тот от неожиданности вздрогнул, дёрнулся и вырвал свои руки из Зоиных. В двух шагах от ветеринара стоял хозяин дома и смотрел немигающим взглядом на коровьего доктора. Пальцы на руках у Владимира Алексеевича шевелились, постоянно складываясь в кулаки. Но более всего пугал кипятильник, перекинутый через шею.

– Не скажите, о чём воркуете? – прошипел муж.

– Так вот, новые препараты. Фито пакеты, ректальные свечи, – указал ветеринар на коробки.

– И куда ж их?

– В жо..., – не договорил, вспомнив о высшем образовании, – Безболезненно. В задний проход.

Владимир Алексеевич недвусмысленно сжал кронштейн самоварного кипятильника в кулаке.

– Вот я сейчас тебе, коровий врач, таку свечу в ж у суну, ты у меня сам фито пакетом станешь. А как закипишь, ещё и свистеть начнёшь! – гаркнул хозяин и двинулся на ветеринара.

Ветеринар кинулся в угол. Из-за стола вскочила Зоя Петровна. Раскинула руки в стороны, загорая от разъяренного мужа делового гостя.

Носач, улучив момент, юркнул к дверям в сени, приложился лбом о верхний косяк, выругался, захлопнул дверь и рысцой пронёсся по двору. Верный Трезор залившимся лаем проводил поверженного врага.

Зоя Петровна сначала опешила и испугалась, но поняв в чем дело, приснула в ладошки, а потом легла на астрологическую карту и похлопывая ладошкой по столу, залилась весёлым молодым смехом.

Владимир Алексеевич стоял среди комнаты, сунув руки в карманы пузырящихся на коленях шаровар, слегка пунцовый и всклокоченный. Кипятильник валялся на полу, одна спираль его рассыпалась и было понятно, что вещь совершенно не годная.

– Ничего смешного я тут не вижу, – выговорил он, подумал и добавил, – С этим я тоже завязываю. Водки больше в рот не возьму.

– С чего такие жертвы?

– А с того! Я и без технологий ваших. Это... Светрит сивуха, кровь очистится, я вам, Зоя Петровна, ещё покажу... А то, смотрите вы, ингредиенты у него в организме... Оторвать

ингредиент этот. И вся наука порушится. И Пеструху твою на мясо сдам. Лекарей к ней тут водить.

– Отец! – Зоя Петровна посмотрела на своего деда внимательно, глаза блеснули озорным огоньком, губы расплылись в улыбке. – Да уж не в ревности ли ты пустился? Отец?

– Ещё чего! – парировал Владимир Алексеевич. – Была нужда! – Он оторвал кипятильник одним рывком и смотал провод бухточкой. – А Пеструху пусть Верка поглядит. Она тоже всё в коровах больше этого понимает, – он махнул рукой, выбросил кипятильник в мусорное ведро, пошёл в сени, удивленно вскрикнув напоследок. – Удумают чего. Ревности! Больше мне делать нечего.

Обернулся, замерев на пороге, так что взгляды их встретились:

– Глади у меня, Зоя Петровна! Ежели он ещё раз на порог сунется, я его в закуток к Борьке суну. Вот тогда и поглядим, какой с него ветеринар станется. А что он баул-то приволок?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.